

Император Минчун кивнул, и стоящий рядом слуга громко объявил начало пира. Вскоре служанки, одетые в изящные наряды, начали подавать императорские яства.

Мо Цинъюнь смотрел на этих служанок и чувствовал холод. В такую лютую зиму они одевались так легко, словно не боялись замерзнуть. Конечно, это были лишь пустые мысли, которые приходили ему в голову от скуки.

Фэн Хань продолжал держать руку Цинъюня, словно это уже вошло в привычку. Когда Цинъюнь был рядом, он всегда хотел касаться его руки, это приносило ему особенное утешение.

Императрица, сидящая на почетном месте, воспользовавшись тем, что Минчун не обращал на неё внимания, окинула взглядом толпу и удовлетворенно кивнула. Сегодня все знатные чиновники привели своих сыновей и дочерей, и она особенно внимательно смотрела на дочь министра Вэня, а также на старшую дочь князя Аньлэ, Лу Юцин.

Во время трапезы раздались звуки музыки, и под мягкую мелодию на сцену вышла изящная женщина.

Фэн Хань заметил, как Мо Цинъюнь замешкался, и, обернувшись, увидел, что тот смотрит на женщину. Недовольный, он слегка сжал руку Цинъюня.

Мо Цинъюнь очнулся, взглянул на Фэн Ханя и тут же понял его намек. Видимо, князь ревновал.

Слегка улыбнувшись, он придвинулся ближе к Фэн Ханю и тихо сказал:

— Князь, я не смотрел ни на что. Просто мне кажется, что женщины во дворце совсем не боятся холода. Я бы точно замёрз.

Фэн Хань понял, что именно это заставило Цинъюня замешкаться. Хотя он больше не был недоволен, всё же в его голосе осталась лёгкая обида:

— Тогда просто не смотри. Береги глаза.

Мо Цинъюнь рассмеялся, развлекаясь реакцией своего князя:

— Князь совсем не умеет ценить красоту.

Фэн Хань понял, что его супруг шутит, и безразлично положил ему в тарелку ещё еды:

— Ешь, ты, наверное, голоден. Когда начнутся разговоры, есть будет некогда.

— Хорошо, — Мо Цинъюнь, видя, что Фэн Хань настроен серьёзно, решил не продолжать подшучивать. Князь был слишком скучным, когда становился серьёзным. Жаль только красавицу на сцене.

Когда мелодия закончилась, женщина подошла к центру и поклонилась:

— Сюань Сюань желает, чтобы Ваше Величество было здорово, а Великая Чжэнь процветала, и чтобы народ жил в мире и благополучии.

— Ха-ха-ха, хорошо, очень хорошо. Это и есть тот самый сюрприз? Подойди сюда.

Женщина, услышав это, улыбнулась и подошла к императору, сев рядом с ним. Минчун с нежностью взял плащ, поданный служанкой, и накрыл им Красавицу Сюань, скрыв её изящные формы.

Четыре супруги императора, сидевшие рядом, не проявили никаких эмоций, сохраняя на лицах улыбки.

Мо Цинъюнь с недоумением посмотрел на Фэн Ханя, и тот, положив ему в тарелку ещё еды, тихо прошептал на ухо:

— Князь Аньлэ подарил её императору. Её титул — Красавица.

Только тогда Мо Цинъюнь понял. Он думал, что это приглашённая танцовщица, а оказалось, что это одна из женщин императора. Князь Аньлэ был тем самым князем, который хотел выдать свою дочь за одного из сыновей императора.

— Ешь, не обращай внимания на других, — Фэн Хань продолжал ухаживать за Цинъюнем, подавая ему еду. Сегодня был государственный пир, и блюда были приготовлены специально. Повара дворца были лучшими, и Фэн Хань хотел, чтобы Цинъюнь попробовал как можно больше.

Князь Аньлэ, видя, что его подарок понравился императору, почувствовал себя немного гордым. Он поднял бокал и произнёс благопожелания. Минчун, находясь в хорошем настроении, даже обменялся с ним несколькими фразами.

Фэн Хань и Мо Цинъюнь, хотя и ели, могли слышать, как они льстят друг другу. Уши уже начали уставать от этих церемоний. Мо Цинъюнь никак не мог привыкнуть к официальным речам при дворе.

После князя Аньлэ выступили послы из других стран, а также два других, менее заметных князя. Затем очередь дошла до Фэн Вэньяо.

Фэн Вэньяо с самодовольством встал и вдруг, осенившись идеей, улыбнулся и поднял бокал в сторону Минчуна:

— Отец, я, вместе с остальными принцами и принцессами, желаю Вам здоровья, процветания и великих свершений, чтобы все народы объединились под Вашим руководством.

Фэн Хань, услышав это, внутренне усмехнулся. Он тоже поднял бокал и встал, как и остальные принцы и принцессы. Фэн Вэньяо уже зашёл так далеко, что оставалось только позволить ему насладиться моментом.

Минчун, глядя на своих детей, остался доволен:

— Хорошо, всё хорошо.

Императрица, увидев, что Минчун не выражает недовольства, облегчённо вздохнула. Она боялась, что император может подумать иначе после неожиданного выступления Фэн Вэньяо, но, судя по всему, сегодня он действительно был в хорошем настроении, отчасти благодаря той красавице.

Поскольку Фэн Вэньяо уже выступил первым, Фэн Хань с радостью не стал добавлять своих слов. Ему совсем не хотелось произносить благопожелания в адрес Минчуна, особенно после

того, как он узнал, что император был причастен к событиям, связанным с племенем Юй. Фэн Хань считал, что Минчун был тем, кто стоял за смертью родителей Цинъюня.

Князь Аньлэ, видя, что все замолчали, снова встал:

— Ваше Величество, моя дочь также хотела бы преподнести Вам свой талант в знак благодарности за этот государственный пир.

— О, хорошо, хорошо, хорошо, — Минчун улыбнулся и трижды повторил это слово. Красавица, подаренная князем Аньлэ, ему действительно понравилась, и это был первый раз, когда чиновник выражал благодарность. Император с радостью принял это, и в его глазах князь Аньлэ стал ещё немного более приемлемым.

Лу Юцинь, услышав это, встала и поклонилась, подойдя к центру зала, где уже стояла гуцинь.

Когда её пальцы коснулись струн, раздались глубокие и мелодичные звуки. Мо Цинъюнь тоже поднял голову и посмотрел на женщину.

Большинство женщин изучали либо чжэн, либо пипа, но он редко видел тех, кто играл на гуцине.

Зал затих, слушая музыку. Люди невольно начали пить вино, их мысли уносились вместе с мелодией. Казалось, будто они оказались на весеннем лугу, где звучала музыка, лилось вино, и облака плыли по небу.

Когда музыка закончилась, прошло некоторое время, прежде чем кто-то захлопал в ладоши, нарушив тишину.

Минчун с удовлетворением посмотрел на Лу Юцинь, которая склонилась в поклоне:

— Неплохо. Дети князя Аньлэ действительно хорошо воспитаны.

Князь Аньлэ, услышав это, встал и улыбнулся:

— Моя дочь глубоко благодарна за Вашу похвалу, Ваше Величество.

Императрица тихо рассмеялась и посмотрела на Минчуна:

— Ваше Величество, мисс Лу действительно достойна звания талантливой женщины. Интересно, какому молодому человеку посчастливится жениться на такой прекрасной девушке.

После её слов в зале наступила лёгкая пауза.

Князь Аньлэ поспешил ответить:

— Благодарю за Ваши добрые слова, Ваше Величество. Моя дочь не заслуживает столь высокой оценки. Всё зависит от её судьбы.

— Князь Аньлэ действительно любит свою дочь, — Императрица прикрыла рот платком, смеясь.

Минчун, однако, снова стал более сдержанным. Императрица, видя, что он не поддерживает разговор, улыбнулась и сменила тему:

— Ваше Величество, давно не видели Фэн Ханя. Почему он сегодня так молчалив?

Минчун, уже раздражённый предыдущими событиями, теперь почувствовал ещё большее недовольство, когда речь зашла о Фэн Хане. Он намеренно игнорировал его присутствие.

— Четвёртый сын всегда был молчаливым.

Императрица неловко улынулась:

— Это правда. Просто Фэн Хань вернулся после отдыха и не зашёл во дворец. Я немного беспокоилась о нём.

Императрица, конечно, заметила, что Минчун был недоволен, и намеренно направила разговор на Фэн Ханя. Действительно, после возвращения он не посетил дворец, чтобы выразить своё почтение, но зато навестил Супругу Дэ.

Супруга Дэ, сидевшая рядом, уже собиралась что-то сказать, но посол из страны Цанвэй, сидевший внизу, опередил её.

— Так вот кто это — князь Чу Фэн Хань, — посол страны Цанвэй, Жун Хаоцун, произнёс это, затем поклонился Минчуну. — Ваше Величество, Цанвэй всегда полагалась на Великую Чжэнь, и нам не довелось увидеть величие князя Чу. На этот раз мы счастливы снова посетить Великую Чжэнь и надеемся, что в будущем также сможем находиться под Вашей защитой. Да здравствует император!

Минчун, услышав, как он расхваливает Фэн Ханя, сначала нахмурился, но затем, когда речь зашла о дальнейших отношениях, его лицо немного смягчилось. Кроме того, страна Цанвэй в последние годы активно развивалась, и их дань всегда поступала вовремя. Их правитель также проявлял уважение, поэтому император сдержал своё недовольство.

— Я также надеюсь, что Цанвэй станет ещё сильнее.

Жун Хаоцун поклонился Минчуну:

— Ваше Величество, на этот раз мы хотели бы остаться в Великой Чжэнь на более длительный срок, чтобы посетить весенние экзамены. Наш правитель слышал, что нынешний император обладает обширными знаниями, а культура Великой Чжэнь достойна изучения. Мы надеемся, что Вы разрешите нашу просьбу.

Минчун на этот раз выглядел более довольным. Он всегда ценил литературу больше, чем военное дело, и такие слова льстили ему.

— В таком случае, я разрешаю вашу просьбу.

Жун Хаоцун поклонился ещё ниже:

— Благодарю за Вашу щедрость, Ваше Величество.

Послы из страны Гухань, увидев, как поступили их коллеги из Цанвэй, тоже встали и попросили разрешения остаться. Минчун, находясь в хорошем настроении, согласился, позволив им задержаться на несколько дней после весенних экзаменов.